

XVII ЖЕБЕЛЁВСКИЕ ЧТЕНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (28–30 октября 2015 г.)

28–30 октября 2015 г. в Институте истории Санкт-Петербургского университета состоялись XVII Жебелёвские чтения, организованные кафедрой истории древней Греции и Рима и Центром антиковедения СПбГУ. В конференции, которая ежегодно собирает антиковедов со всей России, приняли участие ученые из Санкт-Петербурга, Москвы, Казани, Красноярска, Нижнего Новгорода, Петрозаводска, Самары, Саратова, Тобольска, Уфы, Ярославля, а также Вроцлава (Польша) и Риги (Латвия). За три дня работы конференции ее участники представили и обсудили 67 докладов. В рамках конференции, кроме двух пленарных заседаний, была организована работа 6 секций: истории древней Греции; истории эллинизма; истории Рима; источниковедения и историографии; античной культуры; истории античного христианства.

Конференция открылась 28 октября 2015 г. вступительным словом профессора кафедры истории древней Греции и Рима Э.Д. Фролова «Воскрешая забытые имена – к 250-летию со дня рождения Е.Е. Кёлера». В своем выступлении Э.Д. Фролов подчеркнул важность сохранения научных традиций, выработанных на протяжении многих поколений антиковедов в России. В этой связи уместно вспомнить, что у колыбели русского антиковедения стояли крупные ученые, выходцы из Германии: первым специалистом по древней истории в российской Академии наук в 20–30-е годы XVIII в. был профессор Г.З. Байер, выдающийся филолог-классик и исследователь античной истории. Другой столь же крупной фигурой в антиковедении столетием позже явился Е.Е. Кёлер. Он внес крупный вклад в организацию Публичной библиотеки в Петербурге, а также Античного отдела Эрмитажа. Его перу принадлежит множество работ по истории античной религии, античных городов Северного Причерноморья, включая даже такую специальную тему, как рыбозасолочный промысел у греков. Труды Кёлера по античному искусству стали фундаментом для создания всеобъемлющего путеводителя по Античному отделу Эрмитажа. От Кёлера как от исходного момента тянутся нити дальнейших работ в главных областях науки об античности – искусства, филологии и истории.

На первом пленарном заседании (председатели – Э.Д. Фролов, К. Навотка, В.М. Строгоцкий, О.Ю. Климов) было представлено четыре доклада. В докладе «Ксенофан и Фукидид об идее “прогресса” в истории» Р.В. Светлов (Санкт-Петербург) отметил, что с этими двумя фигурами часто связывают «прогрессистские» идеи в античности. У Ксенофана обсуждается утверждение о постепенном открытии людьми нового (DK 18), что обычно воспринимается как указание на познавательный оптимизм колофонского мыслителя. У Фукидида внимание исследователей привлекает его «Археология» из первой книги «Истории», где рассказывается о поступательном развитии античной цивилизации, а также знаменитое «Похвальное слово» Перикла и, наконец, множество указаний историка на «новшества», проявившиеся во внешней политике Афин. Однако, рассмотрев эти указания в общем контексте сохранившихся текстов обоих авторов, Р.В. Светлов пришел к выводу, что они не являются убедительными свидетельствами в пользу существования идей прогресса в Элладе VI–V вв. до н.э. Тема Фукидида, но уже в контексте развития исторической мысли в античности, была продолжена в докладе В.М. Строгоцкого (Нижний Новгород) «К дискуссии о понимании Фукидидом причин и повода Пелопоннесской войны в современной научной литературе». Фукидид, который жил в эпоху старшей софистики, придавал большое значение философскому содержанию терминов и понятий; *πρόφασις* как нечто скрытое (*ἀληθεστάτη*) Фукидид понимал как сущность, а причины, *αἰτίαι*, о которых говорилось открыто, он рассматривал как явление. Поскольку в русском языке

«повод» понимается как частный случай, факт, при переводе термина *πρόφασις*, по мнению докладчика, целесообразно использовать «следствие» или «результат».

Доклад *К. Навотки* (Вроцлав, Польша) был посвящен теме «История в литературном русле в сообщении о битве при Гавгамелах в “Романе об Александре”». Автор доклада подчеркнул, что это сообщение мало что привносит в историческое изучение знаменитого сражения, однако оно показывает, чем являлась для Псевдо-Каллисфена история и каким образом он соотносится с различными традициями об Александре Великом. По мнению автора доклада, Псевдо-Каллисфен вовсе не считал свою книгу вымыслом, как правило, стараясь пересказывать эпизоды из известных ему более ранних авторов или повторяя написанное ими. Если у него был выбор, он часто предпочитал малоизвестную традицию, отвергнутую большинством, так что может сложиться впечатление, что стремление к оригинальности – главное его пристрастие. Посредством заимствования из часто неизвестных источников Псевдо-Каллисфен стремится представить себя эрудированным автором, свободным однако от уз антиварных штудий, именно потому, что он использует историю, чтобы создать свой образ Александра и не повторять то, что говорят другие. *И.Л. Тихонов* (Санкт-Петербург) в докладе «Музей древностей Санкт-Петербургского университета» остановился на основных вехах истории Музея, в частности обратился к ее началу. Первые собрания древностей, в основном нумизматические, появились в Петербургском университете в первой трети XIX в., Университетский устав 1835 г. в перечне учебно-вспомогательных кабинетов предусматривал «Музей изящных искусств и древностей». Значительно пополнившиеся во второй половине XIX в. коллекции продолжали храниться в Ленинградском университете и в 1920-е годы. Однако осенью 1930 г. после целого ряда реорганизаций Музей древностей был закрыт, должность его хранителя упразднена, а в начале 1932 г. все подлинные артефакты бывшего Музея древностей вместе с другими немалыми археологическими коллекциями университета были переданы в Государственный Эрмитаж, где находятся и поныне в различных профильных отделах. По заключению докладчика, печальная история Музея должна служить поучительным уроком, особенно в эпоху активных реорганизаций.

Во второй половине дня 28 октября начали работу различные секции. Первое заседание секции истории древней Греции (председатели – С.М. Жестоканов, А.А. Сеницын) включало обсуждение семи докладов. Заседание открылось докладом *Д.М. Зайцева* (Красноярск) «Проблема историчности традиции о запрете метательного оружия в Лелантской войне». Многие исследователи доверяют традиции, передаваемой Страбоном (Х. 1. 12), среди дополнительных аргументов обращаясь к одному из фрагментов Архилоха. Проанализировав доводы и тех, кто настроен критически, автор доклада заключил, что при нынешнем состоянии источников окончательное решение этой проблемы вряд ли возможно. *Е.С. Данилов* (Ярославль) в докладе «Три закона Демонассы Кипрской» обратился к анализу сообщения оратора Диона Хрисостома, который, перечисляя «славных» женщин, уделяет особое внимание киприотке Демонассе, описывая введенные ею установления (Or. LXIV. 2–4). Автор доклада приходит к заключению, что в законах Демонассы имеются следы архаичных обычаев, общих для отдельных регионов Средиземноморья. В докладе «Nulla dies sine linea: рисунок в античной культуре» *М. Мизур-Мождзоч* (Вроцлав, Польша) сделала попытку определить место рисунка в античном искусстве и образовании, рассматривая его отдельно от живописи. Автор взяла в качестве названия своего доклада знаменитую античную поговорку «Ни дня без линии», которую приписывали известному художнику IV в. до н.э. Аппеллессу (Plin. NH. 35. 84. 1). Опираясь как на письменные свидетельства, так и на археологические материалы, автор доклада проанализировала особенности техники рисунка в античности, представила его историю от архаического периода до римского времени.

А.В. Мосолкин (Москва) в докладе «Фукидид и Фабий Пиктор», отметил, что современные исследователи, говоря о структуре «Греческих анналов» первого римского анналиста Кв. Фабия Пиктора, полагают, что это сочинение состояло из двух частей, ссылаясь на авторитетное суждение Дионисия Галикарнасского (Ant. Rom. I. 6. 2). По замечанию Дионисия, первая часть (история от основания Рима вплоть до III в. до н.э.) была написана в общих чертах (*κεφαλαϊκῶς*), а часть вторая (III в. до н.э.) – подробно (*ᾠκτιβῶς*), что, по мнению докладчика, противоречит обилию сохранившихся фрагментов именно из первой части, а также скудости фрагментов из части второй. А.В. Мосолкин высказал предположение, что в употреблении слова *ᾠκτιβῶς* у Дионисия нужно видеть прямое влияние Фукидида, который использовал этот термин при определении своего научного метода (I. 22. 2). По заключению автора доклада, Дионисий хотел лишь сказать, что Фабий, описывая события своего времени, старался использовать метод Фукидида. К анализу наследия Фукидида обратился в своем докладе «Замечания к стратегии Фукидида 424/3 г. до н.э.» и *А.А. Сеницын* (Санкт-Петербург). *М. Бласкевич* (Вроцлав, Польша) посвятила свой доклад теме «Orpian. Cunegetica, 2. 377–381 и Гортинский баран: фантастическим или реальным было четырехрогое животное?». В составленной гекзаметром дидактической поэме «Об охоте» Оппиана из Апамеи (III в. н.э.), где речь

идет прежде всего о технике и способах охоты, часто встречаются отступления о необычных животных. М. Бласкевич обратила особое внимание на одно из сообщений подобного рода – пассаж (в пять строк) с описанием животного, которого Оппиан называет Гортинским бараном: его отличительной чертой были две пары рогов. В докладе «Herodotus, IV, 74–75 и Sophocles, fr. 243: о наиболее ранних античных упоминаниях *Cannabis sativa*» А.М. Беликов (Санкт-Петербург) отметил, что древнейшим достоверным упоминанием растения конопли (*Cannabis sativa*) и его наркотического действия в античной литературе считается пассаж из четвертой книги Геродота, повествующий об очистительных обрядах скифов после совершения ими погребения своих родственников. Автор доклада проанализировал и другие сообщения античной традиции о практике употребления растений, содержащих психоактивные вещества, и в этом общем контексте особенное внимание уделил свидетельству из так называемого Лексикона Пьера Сегье (*Lexica Segueriana*) о том, что конопля упоминалась в трагедии Софокла «Фамир» (fr. 243). По мнению А.М. Беликова, его можно считать еще одним синхронным Геродоту сообщением о психоактивных свойствах каннабиса.

В этот же день начала работу секция истории эллинизма, на первом заседании которой (председатель – И.А. Ладынин) было представлено восемь докладов. Первым был прочитан доклад М.М. Холлода (Санкт-Петербург) «К истории Ионийской лиги в IV в. до н.э.». После событий 494 г. до н.э. Ионийская лига была возрождена только около 373 г. до н.э., причем как объединение исключительно религиозного характера. По мнению докладчика, эта лига не прекращала своего существования на протяжении IV в. до н.э., кроме того, она функционировала и в последующее время и канула в небытие только где-то после середины III в. н.э. В докладе И.А. Ладынина (Москва) «Скифский царь Танавс(ис) в традиции Помпея Трога: реминисценции нашествия на Египет “народов моря”?» обсуждались некоторые дополнительные аргументы, связанные с уже высказанным автором доклада предположением, что в основе античной традиции о войне египтян и скифов в глубокой древности лежат реминисценции противостояния Египта «народам моря». По мнению И.А. Ладынина, имя «Танавс», или «Танавсис», приписанное в традиции Помпея Трога победившему египтян царю скифов, восходит к обозначению «данайцев», известных и египтянам в составе обрушившихся на их страну народов. Сама форма этого имени могла проникнуть в свидетельства Трога из какого-то ответвления раннеэллинистической традиции, схожей с той, что легла в основу сведений о Египте у Диодора.

Ю.В. Бабенкова (Санкт-Петербург) в докладе «Тирания в Геракле Понтийской» остановилась на условиях и причинах возникновения тирании в Геракле, на изменениях и новых тенденциях в авторитарном правлении тиранов трех поколений: Клеарха, Тимофея и Дионисия, Амастриды и ее сыновей, а также наместника Лисимаха Гераклида, который во многом оказался преемником методов управления полисом, которые использовали гераклеийские тираны. А.Г. Грушевой (Санкт-Петербург) в докладе «Народовластие в греческих полисах эллинистического периода по почетным декретам в честь эвергетов» затронул вопрос о характеристике политической организации греческих городов Малой Азии и островов Эгейского моря в эллинистический период преимущественно на примере найденного на Самосе почетного декрета в честь Булагора (SEG I, 366). С.В. Смирнов (Москва) посвятил свой доклад теме «ΜΕΓΑΛΟΥ/ΜΕΓΛΟΥ в эллинистической ближневосточной нумизматике». Е.М. Берзон (Санкт-Петербург) в докладе «Центральное управление в державе Селевкидов: некоторые детали» отметила три составляющих центрального аппарата царства Селевкидов: 1) центральная администрация, 2) высшая региональная администрация, 3) институт соправительства. Рассмотрев и проанализировав каждый из вышеуказанных элементов, автор доклада выделила следующие этапы в процессе формирования и эволюции центрального административного аппарата Селевкидов: 1) 311–225 гг. (с Селевка I до Селевка III); 2) 225–163 гг. (с Селевка III до Деметрия I); 3) 163–64 гг. (с Деметрия I до конца династии). Е.М. Берзон пришла к выводу, что развитие бюрократического аппарата способствовало постепенному ослаблению власти царя.

Ю.Н. Кузьмин (Самара) в докладе «Сто лет после У. Тарна: Антигон Гонат и царский культ» отметил, что в монографии, вышедшей в 1913 г., У. Тарн создал идеализированный портрет своего героя, оказавший значительное влияние на восприятие этого македонского царя последующими поколениями антиковедов. Хотя Тарн отверг возможность существования официального культа этого царя как в Македонии, так и где-либо еще, в настоящее время культ Гоната точно засвидетельствован в Афинах в 240-х годах до н.э. (SEG XLI, 75). Есть основания допускать, что именно Гонат был «царем Антигоном Сотером», засвидетельствованным в надписи из района Амфиополя (SEG XLVIII, 812). Ряд других свидетельств (например, Athen. XIII. 86) также позволяет думать, что религиозная политика Гоната была более сложной, чем полагали Тарн и его последователи. В докладе А.И. Юрина (Санкт-Петербург) «Зачем Антигонидам политархи?» было подчеркнуто, что на сегодняшний момент не вызывает сомнений факт, что в первой трети II века до н.э. в македонских городах произошли политические преобразования: вместо эпистатов появились политархи. Разбирая вопрос о том, какую цель преследовали македонские цари, заменяя царских чиновников выборны-

ми городскими магистратами, А.И. Юрин отметил возобновление в научной литературе дискуссии о природе эпистатов: были это царские или городские магистраты.

В этот же день состоялось первое заседание секции истории Рима (председатели – А.Б. Егоров, В.Н. Парфенов), на котором были обсуждены семь докладов. Первые два доклада – *А.Н. Грешных* (Москва) «Кульзанс и Янус: проблема идентичности и отождествления культов» и *А.В. Васильева* (Санкт-Петербург) «Римский обряд *devotio*: самопожертвование или сделка с богами?» – были посвящены особенностям религиозной жизни республиканского Рима. А.В. Васильев в своем докладе подчеркнул, что обряд посвящения себя полководцем вместе с вражеским войском в жертву подземным богам (*devotio*), совершавшийся во время битвы для достижения победы, встречается в римской истории лишь дважды и оба раза связан с семейством Дециев Мусов. Докладчик подробно остановился на дискуссии в историографии о том, какой религиозный смысл имел этот обряд: был ли он обетом (*votum*), т.е. обещанием богам собственной жизни ради победы над врагом, которая испрашивалась взамен, или формой обречения самого себя на гибель вместе с войском врагов (*consecratio*). По мнению А.В. Васильева, некоторые детали позволяют говорить об особом, индивидуальном характере этого обряда, и не дают возможности отнести его к какому-либо одному из известных видов римских религиозных ритуалов.

В докладе «Судебное преследование полководцев в Римской республике: случаи Марка Попиллия Лената и Сервия Сульпиция Гальбы» *В.К. Хрусталёв* (Санкт-Петербург) проанализировал два эпизода римской истории II в. до н.э. – попытки привлечь к судебной ответственности консула 173 г. Марка Попиллия Лената и претора 151 г. Сервия Сульпиция Гальбу за действия во вверенных им провинциях. Автор доклада сделал попытку доказать, что Ленат и Гальба были обвинены не в вымогательстве (*repetundae*), а в умалении величия римского народа (*crimen minutae maiestatis*), которое заключалось в нарушении *fides* по отношению соответственно к лигурийцам и лузитанам. Неудача, постигшая их обвинителей, никак не повлияла на дальнейшее развитие римской судебной системы: *quaestio perpetua de maiestate* была создана всего лишь несколько десятилетий спустя на основании закона народного трибуна Луция Аппулея Сатурнина. *А.Б. Егоров* (Санкт-Петербург) в докладе «Рим перед гракханскими реформами: был ли кризис?» предпринял попытку оценить общее положение римской державы в 160–130-е годы до н.э. Если считать экономическим кризисом ухудшение экономической ситуации, спад и сокращение производства и резкое падение уровня жизни общества, то в этот период нельзя говорить о кризисе. Вместе с тем, опасные тенденции наблюдались в развитии общества: во-первых, кризис гражданского коллектива, армии и коллегияльных органов управления; во-вторых, обострение социальных и политических противоречий, поэтому дальнейшее развитие могло привести к очень опасным последствиям.

Доклад *А.К. Нефёдкина* (Санкт-Петербург) был посвящен теме «“Связанные одной цепью”: кимвры в битве при Верцеллах (101 г. до н.э.)». Проанализировав источники и рассмотрев общий ход битвы при Верцеллах между кимврами и римской армией, докладчик уделил особенное внимание феномену связывания воинов друг с другом у кимвров, сделал попытку объяснить причину этого связывания и способы сражения связанных воинов, а также привел параллельные данные о таких построениях у других народов. *А.Ю. Маркелов* (Самара) в докладе «Сенатусконсульт из Пулы (АЕ 1913. № 177): к проблеме участия сената в управлении войсками в период принципата Августа» подчеркнул, что проблема роли сената в управлении войсками является одной из важнейших в истории формирования особого вида монархии – принципата. Значительная часть антиковедов склонна считать, что сенат потерял фактический контроль над войсками и сохранил его только формально. Однако присутствует и иная точка зрения, согласно которой сенат не отстранялся от управления вооруженными силами. Доклад был посвящен анализу надписи (АЕ. 1913. №177), представляющей собой фрагмент постановления сената, датированного 7 г. н.э. и касающегося переброски флота во время Иллирийской войны 6–9 гг. н.э. *В.О. Никишин* (Москва) в докладе «Цари-клиенты как гаранты безопасности и правопорядка на окраинах Римской империи в I в. н.э.» отметил, что к началу I в. н.э. Август создал систему царств-клиентов, от которых римляне получили немало разнообразных выгод: такие царства играли роль так называемых «буферных государств», которые защищали Римскую империю от варварских вторжений, а также достаточно эффективно боролись с шайками разбойников и пиратов и в целом обеспечивали безопасность и правопорядок на окраинах Римской империи. В этой связи неясно, по какой причине к началу II в. римляне фактически ликвидировали созданную Августом систему клиентских царств, «стоящих на страже державы».

29 октября работа секций была продолжена. На втором заседании секции истории древней Греции (председатели – М.Ю. Лаптева, Е.В. Никитюк) было представлено семь докладов. *Н.А. Шергина* (Санкт-Петербург) посвятила свой доклад теме «Развитие социально-политической организации на Самосе в архаический период». Рассматривая характерные черты царской власти, правления аристократии, пришедшей к власти после свержения царей, а также тирании на Самосе,

Н.А. Шергина уделила главное внимание особенностям становления полисной организации в этой части античного мира. В докладе «Представления эллинов о справедливости в межполисных конфликтах (“Священные войны” в Элладѣ)» *А.Б. Шарнина* (Санкт-Петербург) рассмотрела представления древних греков о справедливых и несправедливых принципах межполисных отношений, идеи всеобщего мира и причины конфликтов на примере четырех Священных войн, которые велись за контроль над святилищем Аполлона в Дельфах. В этих войнах ярко проявились противоречия между религиозными установлениями и конкретными политическими и материальными выгодами, которыми руководствовались участники конфликтов. Доклад Д. Гржечик (Вроцлав, Польша) «Дельфийский список $\mu\epsilon\gamma\iota\sigma\tau\alpha\iota\ \tau\iota\mu\alpha\iota$ – почетные привилегии в Дельфах» был посвящен анализу богатейшего эпиграфического материала из Дельф постклассического времени – с середины IV до н.э. до II в. н.э., который сохранил указания на почетные привилегии, предоставляемые Дельфийским полисом, а также сравнению дельфийского материала с афинским. В докладе была также сделана попытка ответить на вопросы, как с течением времени изменялся список почетных привилегий, кому они предоставлялись и каковы были основания для подобных почестей.

В докладе «Афинские филы и афинские Тридцать (Xen. Hell., II, 3)» *Е.В. Никитюк* (Санкт-Петербург) подвергла анализу старую гипотезу Р.Х. Лепера (ЖМНП, 1896), которая оказала большое влияние на развитие просопографических и эпиграфических исследований XX – начала XXI в. Предположение Лепера о том, что список Тридцати тиранов в «Истории Греции» Ксенофонта приводится не в случайном порядке, а по тритетиям и в соответствии с официальным порядком афинских фил согласно постклисфеновскому административному устройству, получила полную или частичную поддержку в западной литературе (исследования И. Кирхнера, Д. Льюиса, Дж. Девиса и др.). В докладе эта гипотеза была рассмотрена с учетом данных новых надписей, найденных во время раскопок на афинской агоре. *А. Войеховска* (Вроцлав, Польша) посвятила свое выступление теме «Камбис и Артаксеркс III в Египте в рамках литературного топоса и за его пределами». Автор доклада отметила, что Египет был завоеван персами дважды, царями Камбисом в 525 г. до н.э. и Артаксерксом III в 340/339 г. до н.э., о действиях которых в Египте сохранились весьма похожие истории, происходящие из греческих и египетских источников. По мнению автора доклада, обе они принадлежат к литературному топосу о безумии нечестивого царя, однако представление двух правителей в египетских источниках совершенно различно: в отличие от Камбиса Артаксеркс III не признается законным правителем Египта.

Н.В. Разумов (Тобольск) в докладе «Ранняя биография афинского стратега Ификрата» отметил, что ряд историков связывают указание Плутарха, о том, что Ификрат впервые прославился в морском сражении (Mog. 187 A), с битвой при Книде и службой Ификрата под началом Конона. Согласно другой версии, которая приводится Юстином (VI. 5. 2), Ификрат впервые выдвинулся как командующий афинским ополчением, направленным на помощь Фивам во время Коринфской войны. По мнению автора доклада, источники не дают информации о службе Ификрата под началом Конона; рассказ Плутарха можно отнести к концу Пелопоннесской войны, когда борьба между Афинами и Спартой велась на море; в 395 г. или 394 г. до н.э. Ификрат мог принять участие в одном из походов афинян на помощь фиванцам, что нашло отражение у Юстина. *И. Поручник* (Вроцлав, Польша) в докладе «Кто такой Херсонес в декрете Диофанта (*IosPE* I² 352, 52)? Эпиграфические и нумизматические свидетельства» отметила, что характер данного культа неясен: Херсонеса понимали как местного героя, божество города или персонификацию города и общины. И. Поручник предложила собственную интерпретацию возникновения и характерных черт этого культа. Особенное внимание в докладе уделялось монетам, изображение на которых традиционно связывается с культом Херсонеса и которые были распространены в городе Херсонесе с конца I в. до н.э./начала I в. н.э. до конца II в. н.э. По заключению автора доклада, они, возможно, представляют собой не один тип изображения и могут быть интерпретированы по-разному.

В это же время проходило второе заседание секции истории Рима (председатели – М.В. Белкин, В.О. Никишин), на котором было обсуждено семь докладов. Заседание открылось докладом *М.В. Белкина* (Санкт-Петербург) «Когда война лучше мира (по “Филиппикам” Цицерона)». Автор доклада рассмотрел отношение Цицерона к проблеме войны и мира. По его мнению, в речах против Марка Антония Цицерон объясняет, почему он, любящий мир и досуг, призывает к непримиримой войне с ним: Антоний посягает на жизнь и свободу римлян, а когда война введется за честь и достоинство граждан, за святыни богов, за жилища людей, за свободу, тогда даже гражданская война лучше мира. *А.В. Короленков* (Москва) в докладе «Весталка, плебейский трибун и триумф Клавдия» проанализировал упоминаемый у Цицерона, Валерия Максима и Светония рассказ о триумфе некоего полководца, чья дочь (или сестра) – весталка спасла его от некоего плебейского трибуна, угрожавшего стащить военачальника с колесницы. Автор доклада считает, что речь идет не об Аппии Клавдии Пульхре, консуле 143 г. до н.э. и тесте Тиберия Гракха, а о вымышленном, как и весь эпизод, персонаже, а сам сюжет возник, по-видимому, в последней трети II в. до н.э., отразив недовольство верхов «своеволием» трибунов и рост влияния женщин на политику. Доклад *М.Н. Кирилловой* (Москва) «Элогий из Поллы и его социально-экономический контекст» был посвящен анализу этого

эпиграфического памятника (CIL I² 638 = CIL X 6950 = ILS 23). Надпись принято относить к началу гракханских преобразований (конец 130-х – 120-е годы до н.э.), в ней неизвестный сицилийский претор приводит перечень своих заслуг, при этом крайняя лаконичность надписи дала исследователям простор для интерпретации приведенных сведений. В первую очередь, дискуссионным оказался вопрос о связи упоминаемых в надписи событий с гракханскими преобразованиями, а также о типе упомянутого в надписи *ager publicus*. М.Н. Кирилова провела параллель между элогием из Поллы и ситуацией, рассматриваемой в так называемой сентенции братьев Минуциев (117 г. до н.э.): по ее мнению, два этих памятника как нельзя лучше иллюстрируют поворот в итальянском сельском хозяйстве от земледелия к скотоводству и социальные последствия этого поворота.

Два следующих доклада были посвящены различным аспектам правления императоров династии Флавиев. Е.Л. Смирнова (Петрозаводск) в докладе «Начало правления Веспасиана и становление флавианской идеологии» отметила, что все официальные мероприятия Веспасиана с самого начала его правления недвусмысленно показывали, что основами нового принципата будут безоговорочное главенство принцепса в управлении государством и его опора на семью, а также на сенаторов, доказавших не только деловые качества, но и верность императору, готовность сотрудничать с новой властью. Однако, по мнению автора доклада, взгляды на передачу власти в семье, пропагандируемые первым Флавием, хотя и были осуществлены им и его сыновьями, явно встречали недовольство уже при Веспасиане, а после Флавиев оказалась на долгое время отвергнута. В.Н. Парфенов (Саратов) выступил с докладом «Агрикола, Домициан и проблема завоевания Британии при Флавиях». Престиж династии Флавиев, военной по своему происхождению и характеру, требовал новых завоеваний, при этом самым удобным объектом оказалась именно Британия. Из трех наместников Британии времени Флавиев особая роль в достижении поставленной Веспасианом задачи полного завоевания Британии принадлежала Петилию Церялу (71–74 гг.), хотя слава временного покорителя Британии досталась Юлию Агриколе (77/8–83/4 гг.). По словам Тацита (Hist. I. 1), задача покорения острова была практически выполнена, но затем завоеванные территории на севере были оставлены; причину великий римский историк видит в зависти императора Домициана к военной славе Агриколы. Однако в современной науке доказано, что прекращение римской экспансии в Британии диктовалось как ее бесперспективностью, так и осложнением стратегической ситуации на северных границах Империи.

В двух последних докладах обсуждались проблемы военной истории в эпоху Поздней империи. В докладе А.В. Банникова (Санкт-Петербург) «Организация и структура легиона периода правления Северов» было подчеркнуто, что организация римского легиона периода Принципата оставалась одной и той же до середины II в., заметные изменения в ней происходят в эпоху Северов. Основным типом боевого порядка становится фаланга, вместе с тем в легионной структуре еще сохраняется определенная преемственность с манипулярным построением республиканских времен, с той разницей, что в этот период вместо гастатов, принципов и триариев первую линию построения образовывали манипулы фалангариев, за ними находились ланциарии, и позади них лучники. Е.А. Мехамидиев (Санкт-Петербург) в докладе «Армяно-римская война Цезаря Максимиана II Дазы (305–313 гг.): проблемы хронологии и содержания в свете новых источников» отметил, что при обращении к этому сюжету обычно используют лишь один источник – труд Евсевия Кесарийского «Церковная история», что порождает трудности в трактовке причин и значения этой «неизвестной войны». Докладчик обратился к трем источникам, которым ранее не уделялось должного внимания, – «Истории Тарона» Ованеса Мамиконяна, сирийской хронике Псевдо-Дионисия Тель-Магрского и небольшому пассажи малоизвестного церковного историка Феодора Чтеца, жившего в первой половине VI в., что позволило сделать ценные выводы о хронологии, цели и значении данной военной кампании в истории римско-армянских отношений начала IV в.

Во второй половине дня работа секций была продолжена. Второе заседание секции истории эллинизма (председатели – М.М. Холод, С.К. Сизов) предполагало обсуждение девяти докладов. По замечанию С.К. Сизова (Нижний Новгород) в докладе «Существовал ли союзный совет в Ахейской федерации во времена Полибия?», большинство современных исследователей считает, что одним из федеральных органов Ахейского союза во II в. до н.э. должен был быть союзный совет, напоминающий аналогичное учреждение в любом греческом полисе, однако никаких следов деятельности такого совета ни в литературных, ни в эпиграфических источниках не прослеживается. Единственное доказательство существования ахейского совета – частое упоминание слова *boule* в описаниях союзных собраний у Полибия, однако, внимательное рассмотрение этих свидетельств приводит к выводу, что *boule* в лексиконе ахейского историка является не официальным названием государственного органа, а синонимом слова «собрание», поэтому существование федерального совета в Ахейском союзе времен Полибия вызывает большие сомнения. О.Ю. Климов (Санкт-Петербург) в докладе «Договор Эвмена I с наемниками (OGIS 266): некоторые дискуссионные вопросы» указал, что многие исследователи сходятся во мнении, что договор был заключен после мятежа наемников, который правителю удалось преодолеть лишь ценой четкой регламентации условий службы и предо-

ставления наемником ряда льгот. Одной из загадок данного документа остается причина недовольства воинов, которая в договоре не названа. По предположению О.Ю. Климова, она заключалась в неудовлетворенности наемников своим положением и условиями службы, поскольку в документе тщательно фиксируются многие детали, связанные с оплатой и другими условиями их контракта, а сам мятеж был вызван намерением Эвмена I воевать с Антиохом I, ведь битва при Сардах, о которой сообщает Страбон, произошла в самом начале правления пергамского правителя, как и мятеж наемников. Доклад А.А. Попова (Санкт-Петербург) «Описание Полибием войны между Антиохом III и Евтидемом I: цели автора в контексте его политических воззрений» был посвящен описанию Полибием во «Всеобщей истории» (II в. до н.э.) войны между селевкидским царем Антиохом III Великим и греко-бактрийским правителем Евтидемом I Богом, которая произошла около 208–206 гг. до н.э. Автор доклада подробно остановился на философских и политических убеждениях историка, которые могли повлиять на освещение им данных событий.

О. Кубица (Вроцлав, Польша) в докладе «Ай-Ханум, греческий город в Бактрии как “место памяти”» указала, что введенное французским ученым Пьером Нора понятие «места памяти» в некотором смысле отражает ситуацию греческого города в Бактрии, известного как Ай-Ханум. На его примере автор доклада исследовала проблему взаимосвязи между внешними формами сохранения общей памяти группы людей, оторванных от своей родины (т.е. греков), с одной стороны, и группы местных жителей, проживающих в районах, занятых врагом (т.е. бактрийцев), с другой. Отправной точкой для исследования автора доклада стало сопоставление теории П. Нора (1989) с современными направлениями греко-бактрийских штудий, главным образом в статье Г. Паркера «Эллинизм в афганском контексте» в книге «Память как история: наследие Александра в Азии» (2007) и в статье Р. Мэрс «Греческая идентичность и поселенцы в эллинистической Бактрии и Арахозии» (2008). Е.О. Стоянов (Уфа) в докладе «Сатрапы Бактрии после Александра: опыт реконструкции политической истории» отметил, что свидетельства античной традиции о состоянии власти в Бактрии и Согдиане в последние годы царствования Александра и сразу после его смерти крайне скупы; известно лишь, что царь поставил сатрапом Аминту сына Николая, в Вавилоне на эту должность был утвержден некий Филипп, а в Трипарадесе – Стасанор Солийский. В докладе была предпринята попытка выявить причины и обстоятельства смены власти в регионе, а также понять механизм этих перестановок с учетом политической ситуации в империи Александра в целом и в верхних сатрапиях в особенности.

Е.Г. Тейтельбаум (Казань) в докладе «Полибий и методика “Face of battle”: попытка нового подхода к анализу битв» подчеркнул, что Полибий в своем нарративе, помимо таких традиционных аспектов, как тактика, стратегия и развертывание войск, уделял внимание и другим факторам – психологии сражающихся, продолжительности сражений, соотношению потерь и т.п. Столкновения враждующих армий в освещении историка носили более хаотичный характер, чем это обычно представляется, и часто определяющим фактором были не решения полководцев, а деморализация солдат или вовремя проявленная инициатива командиров. Преувеличенными представляются автору доклада и традиционные взгляды о тактическом превосходстве легиона над фалангой. Полибиевы описания битв свидетельствуют, что реальная сила легиона была в его большей психологической устойчивости, позволявшей сохранять строй и решать исход сражений в свою пользу. По мнению Т.В. Антонова (Санкт-Петербург), представившего доклад «Лукулл и Антиох из Аскалона: ученик и учитель?», отношения Лукулла и Антиоха, главы Академии в Афинах, выявляют устойчивую тенденцию тесного культурно-политического симбиоза римской и греческой аристократии в начале I века до н.э. Лукулл не только пользуется услугами Антиоха в качестве политического советника в Александрийской экспедиции, но и вполне искренне пытается приобщиться к греческой философии и культуре. Антиох из Аскалона, со своей стороны, стремится занять престижное положение среди проримски настроенной греческой интеллигенции, одержавшей верх над сторонниками союза с Митридатом VI. В итоге, по мнению автора доклада, мы наблюдаем взаимовыгодное сотрудничество между полководцем и рафинированным аристократом Лукуллом и выдающимся греческим философом.

М. Халамус (Вроцлав, Польша) в докладе «Встреча культур: иранская традиция и политика боспорских правителей» подчеркнул, что во второй половине IV в. до н.э. империя Ахеменидов рухнула, но память о Царе царей и атрибутах его власти сохранилась, что стало важным моментом в политической пропаганде парфянских царей и других правителей восточного Средиземноморья. Спустя два столетия после падения Дария III парфянский царь Митридат II из династии Аршакидов начал использовать титул «царь царей», а тиара стала обычным головным убором на монетах Аршакидов. Ссылка на символы власти Ахеменидов играла большую роль в пропаганде Митридата Евпатора; нумизматические и эпиграфические свидетельства позволяют проследить, как его потомки, особенно сын Фарнак и внучка Динамия, пытались укрепить свои позиции или узаконить свое правление, ссылаясь на традиции Митридата и символы власти Ахеменидов или титул «царь царей». Доклад О.Л. Габелко (Москва) был посвящен теме «Кем был Деметрий, полководец Филиппа?». Докладчик обосновал вывод об идентичности двух одноименных малоизвестных исторических персонажей –

Деметрия, начальника флота Филиппа II Македонского, потерпевшего поражение от граждан Византии в 340/339 г. до н.э. (Dion. Byz. 65), и погибшего примерно в это же время старшего брата Антигона Одноглазого (Plut. Dem. 2).

В это же время проходила работа секции истории античного христианства (председатели – А.Б. Егоров, А.Д. Пантелеев), на которой были представлены пять докладов. В первых двух докладах рассматривалась тема христианских мучеников. Доклад *А.Д. Пантелеева* (Санкт-Петербург) «Христианско-иудейская полемика II–III вв. и некромантия (Mart. Pionii 13–14)» был посвящен пассажу из «Мученичества Пиония» (BHG1546), где мученик призывает христиан, пришедших к нему в темницу, сохранять верность Христу и не поддаваться на уговоры иудеев, стремящихся обратить их в свою веру. Он уделяет особое внимание утверждению иудеев, будто они смогли вызвать Христа с помощью некромантии; это сопоставляется с рассказом о призвании пророка Самуила эндорской волшебницей по просьбе царя Саула (1 Цар. 28). Вера в некромантию на Древнем Востоке и в античном мире гарантировала доверие к этому рассказу и у иудеев и у христиан, но при этом он мог интерпретироваться по-разному. По мнению А.Д. Пантелеева, Пионий связывает эти два рассказа для того, чтобы бороться с иудейской пропагандой и не допустить как отступничества от христианства устоявших верующих, так и принятия иудаизма теми, кто уже отступился. *А.В. Каргальцев* (Санкт-Петербург) в докладе «Африканские свидетельства» рассмотрел обстоятельства издания Децием эдикта о всеобщем жертвоприношении, которое спровоцировало первое общеимперское преследование христиан. Вопрос о содержании и цели эдикта по сей день дискутируется в научной литературе. Опираясь, среди прочих источников, прежде всего на агиографическую традицию, А.В. Каргальцев представил религиозную политику Деция как развитие императорского культа, случайными, но неизбежными жертвами которой становились христиане.

Доклад *В.В. Василика* (Санкт-Петербург) был посвящен теме «Образ Константина Великого в христианской историографии и византийской гимнографии: сравнительный анализ». *Д.М. Омельченко* (Санкт-Петербург) в докладе «Галльское монашество в произведениях Иоанна Кассиана Римлянина» отметила, что в 420-е годы Иоанн Кассиан Римлянин написал два произведения, которые на долгие годы стали для галльских ревнителей аскезы вторыми после Библии, – *De institutis coenobiorum* и *Collationes*. В них, повествуя о полученном в Египте опыте монашеской жизни, Кассиан порой делал весьма тенденциозные замечания по поводу современного ему галльского монашества, которые автор доклада объясняет возможным присутствием скрытой полемики с «традицией», восходящей к Мартину Турскому. В целом характеристика монашества Галлии соответствовала у Кассиана представлению о «варварском» пространстве, лежащем вне «Града Пустыни». Последним в этой секции был представлен доклад *И.М. Никольского* (Москва) «Казус Гизериха: почему короля вандалов называли автократом?». Автор доклада подчеркнул, что понятие «автократ» (αὐτοκράτωρ) в исторической и политической прозе позднего Рима традиционно ассоциировалось с императорской властью и рассматривалось как аналог латинского *imperator*, впоследствии оно перешло в Византию, закрепившись там уже в качестве императорского титула; случаи, когда в источниках «автократами» названы не византийские или римские, а иноземные правители, чрезвычайно редки, одним из таких случаев стало упоминание короля Гизериха (428–477) в качестве «автократа вандалов» у Прокопия Кесарийского (Bell. Vand. I 3. P. 325). В докладе были представлены два возможных объяснения этого казуса. Первое сводится к тезису о некой «размытости» политической терминологии в поздней античности – раннем средневековье, особенно хорошо заметной на примере латинских текстов IV–VII вв. Второе связано с личностью самого Гизериха, заметно выделявшегося среди прочих варварских предводителей.

В заключительный день, 30 октября, работа конференции продолжилась на утренних заседаниях секций. Заседание секции источниковедения и историографии (председатели – Д.М. Щеглов, О.Ю. Владимировская) предполагало обсуждение четырех докладов. Открылось заседание докладом *С.И. Межеричко* (Санкт-Петербург) «Древнегреческие источники о причинах разливов Нила». Среди античных авторов, которые в разное время обращались к этой проблеме, были и философы (Фалес, Анаксагор, Демокрит), и историки (Геродот, Эфор, Каллисфен, Эвтимен, Диоген из Аполлонии), и поэты (Гомер, Эсхил, Еврипид). В результате уже к концу IV в. до н.э. появилось большое количество разнообразных гипотез и мнений, которые затем были собраны и опубликованы Аристотелем или его учеником Феофрастом в специальном трактате, не сохранившемся до нашего времени. Особого внимания, по мнению автора, заслуживает «Египетская речь» греческого оратора Элия Аристида (II в.), специально посвященная проблеме разливов Нила и их причинам и являющаяся ценнейшим источником по истории и культуре Египта и их рецепции в античной литературе. *С.А. Тахтаджян* (Санкт-Петербург) в докладе «Сократ в Армении (Хен. Суг. 3. 1. 14 и 38–40)» отметил, что в «Киропедии» Ксенофонта как наставник армянского царевича Тиграна упомянут «некий софист», вызывавший восхищение своего ученика, которого царь Армении казнил, обвинив в пагубном влиянии на своего сына. По мнению автора доклада, сходство между наставником царевича и Сократом

очевидно; более того, софиста из «Киропедии» роднит с Сократом не только судьба, но и взгляды. Ксенофонт вкладывает в уста наставника царевича знаменитый парадокс Сократа «*nemo sua sponte pessat*», между тем как представление о невольном характере несправедливого поступка, так и отказ отвечать злом на зло, связываются в нашей традиции исключительно с Сократом. В докладе была сделана попытка ответить на вопрос, почему эти взгляды в «Киропедии» высказывает безымянный софист. В докладе ««Секретный фарватер Птолемея»: античные лоции как возможный источник сведений его карты» *Д.А. Щеглов* (Санкт-Петербург) показал, что сведения некоторых источников о морских путях и расстояниях позволяют в ряде случаев объяснить конфигурацию карты Птолемея. В частности, сведения Саллюстия позволяют поставить точку в давней дискуссии об Островах блаженных у Птолемея, подтвердив их тождество с Канарскими островами. Сведения Плиния позволяют объяснить необычное, смещенное на запад относительно своего окружения, положение дельты Инда у Птолемея. Точно так же сведения итинерария Антонина позволяют объяснить положение Сардинии. Завершил работу секции доклад *О.В. Пржигодзкой* (Санкт-Петербург) «Образ варваров в произведениях Синезия»

Параллельно проходила работа секции истории античной культуры (председатель – *О.В. Кулишова*), на которой было представлено шесть докладов. Заседание открылось выступлением *М.Ю. Лантевой* (Тобольск) «Патриотизм и предательство в истории архаической Ионии». Особенностью этнополитической идентичности ионийских полисов этого периода было тесное взаимодействие с племенами и государствами Ближнего Востока (Египет, Фригия, Лидия, держава Ахеменидов), а также аристократический характер власти и полуварварское происхождение правящей элиты. Все это отразилось в представлениях о полисном патриотизме, допустимости сотрудничества с врагами, в политической практике ионийцев. В начале архаического периода патриотизм ионийцев был связан с деятельностью Панионийского военно-политического союза. К VI в. до н.э. обозначилась неравномерность политического развития и статуса ионийских полисов в отношениях с восточными государствами. Общеионийские цели уступили место потребностям и интересам каждого полиса в отдельности, что обусловило отсутствие единства и солидарности среди ионийских полисов, прагматизм в их отношениях с иными государствами, который вряд ли можно рассматривать в категориях «предательство» или «коллорабационизм». В докладе *Т.Ю. Шашловой* (Саратов) «Город Птерия у Геродота и вопрос о восточной политике лидийского царя Креза» было отмечено, что согласно данным античной нарративной традиции, восточные владения Лидии в VI в. до н.э. простирались до р. Галис (Hdt. I. 6. 28). Незадолго до персидского завоевания царь Крез совершил попытку расширить свои владения на востоке. Перейдя Галис, он вторгся в Птерию, сильно укрепленный город в Каппадокии, и разрушил его. Геродот помещает Птерию около Синопа, эллинского города на Евксинском Понте (I. 76). Помимо «отца истории», Птерию упоминают еще три античных автора: Элий Геродиан (*De prosodia catholica*, III. 1, P. 299, L. 32), Стефан Византийский (*Ethnica*, P. 298, L. 3), и логограф Гелланик Митиленский (*Jacoby*, F 1a, 4, F, fr. 201bis). Точная локализация Птерии не установлена до сих пор. Согласно двум наиболее популярным точкам зрения, ее следует отождествить либо с Богазкёем, поселением, существовавшим на месте бывшей столицы Хеттского царства Хаттусы, либо с другим поселением – Керкенес Дагом, расположенным в 40 км к юго-западу от Богазкёя.

В докладе «Актеры в древнегреческом театре (по материалам античной вазописи)» *О.В. Кулишова* (Санкт-Петербург) отметила, что «театральные» изображения на вазах можно условно разделить на три группы: аттическая вазопись конца VI и преимущественно V в. до н.э., западная греческая традиция (апулийские вазы) преимущественно IV в. до н.э., искусство эллинистического и римского времени. *О.В. Кулишова* сосредоточила свое внимание на иконографии афинского театра и актеров в V–IV в. до н.э., подчеркнув, что примерно с 420 г. до н.э. изображение хора на больших и дорогих вазах, используемых чаще всего на симпозиях, сменяется представлением актеров на небольших и недорогих сосудах, предназначенных для гораздо более широкого потребительского рынка, а в IV в. до н.э. вазопись почти исключительно сосредоточена на актерях. *Н.С. Широкова* (Санкт-Петербург) посвятила свой доклад теме «Искусство британских кельтов». В докладе было выражено несогласие с мнением Р.Дж. Коллингвуда и других исследователей, считавших, что искусство британских кельтов, хрупкое, линейное и абстрактное, имевшее узкую социальную базу (будучи искусством аристократов), было обречено на упадок и угасание, даже если бы не случилось римского завоевания Британии. Материалы, приведенные в докладе, показывают, что кельтское искусство, склонность которого к поэтической абстракции была существенной чертой самого менталитета кельтов, обладало большим творческим потенциалом, пребывавшим как бы в латентном состоянии на протяжении римского периода. По мнению *Н.С. Широковой*, о наличии творческих возможностей художественного стиля британских кельтов свидетельствует его возрождение уже в средневековой Британии, в период англо-саксонских нашествий.

А.Л. Мамонтов (Санкт-Петербург) в докладе «Вопрос об административном давлении на манихеев в полемике Августина с их предстоятелями» подчеркнул, что в Северной Африке этот вопрос

обсуждался в основном в донатистских и антидонатистских сочинениях, которые хорошо изучены, в то время как в отношении других религиозных групп аналогичных исследований мало. В докладе была предпринята попытка частично заполнить этот пробел по материалам полемики Августина с манихеями, в частности на основе анализа сочинения «Против Феликса» – записи устного диспута, произошедшего в 404 г. *В.Н. Буций* (Санкт-Петербург) прочитал заключительный в этой секции доклад на тему «Этнологическая терминология у Григория Турского и Иордана». По замечанию автора, основными понятиями, которые соответствуют понятиям «племя» и «народ», у позднеантичных авторов выступают *gens*, *populus* и *natio*. Автор доклада подчеркнул, что позиции Григория Турского и Иордана во многом сходны – оба писали историю варварских народов и жили в VI в., однако употребление этнологической терминологии у них различно: Иордан куда больше интересуется вопросами классификации народов и их происхождением, в то время как для Григория Турского вопросы происхождения и именования народов не так важны.

На заключительном пленарном заседании во второй половине дня 30 октября (председатели – Э.Д. Фролов, С.Г. Карпюк, О.Ю. Климов) было прочитано три доклада. Первым был представлен доклад *С.Г. Карпюка* (Москва) на тему «Ежеквартальная идеология: передовицы “Вестника древней истории”, 1937–1956». Автор доклада проанализировал передовые статьи ВДИ, рассмотрел их функции и роль в редакционной политике журнала. По его мнению, эти статьи (иногда подписанные) имели идеологические, пропагандистские (в том числе внешнеполитические) и «защитные» функции. В целом передовицы, привлекая (и отвлекая) внимание руководящих инстанций, несли необходимый для советского журнала «заряд» идеологических директив и способствовали тем самым публикации вполне научных «безыдейных» статей по истории, археологии и филологии древнего мира. *Х. Туманс* (Рига, Латвия) в докладе «О мимесисе Александра» обратился к методологическим основаниям доминирующей в историографии последнего времени тенденции к интерпретации некоторых поступков Александра Македонского, связанных с его подражанием древним мифологическим героям – Ахиллу, Гераклу, Дионису. Докладчик с новых позиций рассмотрел высказанные ранее другими учеными версии о том, что стремление вписаться в мифологические матрицы было свойственно не только позднейшим авторам, но и самому Александру. По мнению Туманса, привлеченный им общий исторический контекст свидетельствует в пользу предположения о том, что подражание героям прошлого было для Александра прежде всего проявлением его религиозности и приверженности эпическому идеалу героизма, и только затем – делом пропаганды.

Завершил программу заседания доклад *Ю.А. Виноградова* (Санкт-Петербург) «Мария Ивановна Максимова. К 140-летию со дня рождения». М.И. Максимова (1885–1974) является представительницей той замечательной генерации ученых, которые заложили фундамент современной отечественной науки об античной культуре Причерноморья. Ю.А. Виноградов проследил основные вехи жизненного пути и научной деятельности Марии Ивановны. Знания М.И. Максимовой в области классических древностей были по-настоящему энциклопедическими: античные фигурные вазы, торевтика, глиптика и т.д. Она является автором монографий «Античные города Юго-Восточного Причерноморья» (М.–Л., 1956) «Артюховский курган» (Л., 1979), которые демонстрируют подлинный синтез исторических и археологических знаний. Подготовленный исследовательницей перевод «Анабасиса» Ксенофонта в нашей стране стал классическим.

В конце заседания с поздравительным словом, адресованным одному из постоянных участников «Жебелёвских чтений» – профессору В.М. Строгоцкому – в связи с его юбилеем, выступил *О.Ю. Климов*. Он подчеркнул большие заслуги юбиляра в разработке проблем истории и культуры античного мира, а также в развитии классического образования в России и пожелал Владимиру Михайловичу дальнейших свершений в его научной и педагогической деятельности.

Итоги конференции в своем заключительном выступлении на пленарном заседании подвел председатель оргкомитета профессор Э.Д. Фролов, который отметил, что давно ставшая традиционной научная конференция в Санкт-Петербургском университете и в этом году собрала широкий круг исследователей-антиковедов из университетских и академических центров России и других стран. Подчеркнул, что подобные встречи чрезвычайно полезны для молодых, начинающих исследователей, так как обогащают их опытом совместной работы и научного общения с авторитетными специалистами, Э.Д. Фролов в заключение выразил надежду на дальнейшее продолжение традиции «Жебелёвских чтений».

Oksana V. Kulishova,
Eduard D. Frolov,
Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia
o.kulishova@spbu.ru
eduard.frolov@spbu.ru

О.В. Кулишова,
Э.Д. Фролов,
кафедра истории древней Греции
и Рима,
Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург, Россия